

© 2023 г.

Н.А. НАРТОВА

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ В НАРРАТИВАХ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОЛОДЕЖИ

НАРТОВА Надежда Андреевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия (nnartova@hse.ru).

Аннотация. В фокусе статьи представления городской образованной молодежи Санкт-Петербурга об индивидуальном и поколенческом будущем. Опираясь на перспективы социологических подходов к взрослению и поколениям, проанализированы качественные интервью, собранные в 2020 и 2022 гг., с петербуржцами 19–25 лет. Исследование показало, что социально-политические события приводят к трансформации поколенческого нарратива. Дискурс яркого поколения, открытого будущему, сменяется гетерогенными типами интерпретации перспектив собственной жизни и поколения в целом. Было выделено три ключевых способа наррации, в рамках которых проживаемый опыт связывался с представлениями о жизненных перспективах: «отсутствующее будущее», «адаптивное будущее», «нормализованное будущее». Поскольку процесс формирования поколения не завершен, данное исследование скорее фиксирует точки динамических изменений и ставит новые вопросы, чем дает полные ответы.

Ключевые слова: молодежь • поколение • будущее • биография • жизненный курс • переход во взрослость • нарративный анализ

DOI: 10.31857/S013216250024233-9

Постановка исследовательской задачи. Представления о будущем играют значительную роль в формировании индивидуальных биографий и поколений, особенно в контексте современности с ее неопределенностью, динамизмом и прекарностью. С одной стороны, молодые вынуждены быть «рефлексивными» и активными в организации своей жизни, чтобы выжить в быстро меняющихся социальных условиях [Bessant et al., 2017: 38] и противостоять незапланированным, неуправляемым и непреднамеренным элементам собственной жизни [Vinken, 2010: 44]. С другой – К. Мангейм предполагал, что особые, в первую очередь травмирующие, события формируют способ мышления и действия генераций, создавая поколения [Мангейм, 2000]. При этом Дж. Александер подчеркивает, что «события, взятые отдельно и как таковые (in and of themselves), не создают коллективную травму. События не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества» [Александер, 2012: 16]. Таким образом, не только структурные условия, зачастую неосознаваемые [Brannen, Nilsen, 2005: 423], но и способы осмысления тех или иных событий [Александер, 2012] влияют на представления о будущем, а значит на переход во взрослость,

В статье использованы материалы исследований, осуществленных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

биографическую перспективу и поколенческую идентичность молодежи. При этом видение и способы обращения с будущим принципиально важны не только на индивидуальном, но и на культурном уровне в целом. К. Лекарди указывает, что если вера в лучшее будущее для всех ослабевает, то и способы обращения с личным и социальным временем будут существенно меняться [Leccardi, 2014: 48].

В то же время индивидуальные биографии, как и поколения, не создаются моментно. Это длительный процесс, в рамках которого индивиды, проживая в существующих социально-политических и экономических, а шире – исторических условиях, действуют, рефлексиируют о своем опыте и выстраивают интерпретации. В статье рассматриваются два временных периода – 2020 и 2022 гг. – для условной «когорты» двадцатилетних – молодежи 19–25 лет, которые при переходе во взрослость совершают первые самостоятельные выборы и оценивают свои жизненные шансы. Если с исторической перспективы два года кажутся несущественными, то с социологической контексты значительным образом различаются. В 2020 г. мир был во власти пандемии COVID-19, нарушившей привычный уклад жизни, однако предполагавшей свое окончание и последующую нормализацию социальных процессов. В 2022 г. началась специальная военная операция, что привело к радикальным социальным трансформациям – санкционному кризису, разрыву многих международных отношений, изменениям во внутренней политике РФ, поколенческим конфликтам и т.д. Поэтому изучение динамики формирования представлений во временной перспективе представляется значимой исследовательской задачей. Российские исследования преимущественно фокусируются на представлениях молодежи о национальном будущем (см., напр.: [Образ будущего..., 2021; Зубок, 2023]), оставляя за скобками ожидания и идеи молодых в отношении себя как поколения. Однако сегодня принципиально важно понять, как взрослеющая российская молодежь в условиях серьезных социальных изменений организует и планирует свою жизнь как часть общей биографии поколения. Поэтому в фокусе статьи анализ организации биографий и представлений об индивидуальном и поколенческом будущем современной городской образованной молодежи в контексте ее транзитии во взрослость на примере интервью с молодыми жителями Санкт-Петербурга.

Концептуализация будущего в исследованиях молодежи. Представления о будущем существенным образом вовлечены в организацию повседневной жизни и осуществляемые выборы молодежи, поэтому их изучение находится на пересечении трех подходов: анализа самого процесса взросления, исследований организации биографий в современных условиях и социологии поколений. Каждый из них формирует свой концептуальный аппарат, однако их интеграция позволяет комплексно подходить к проблеме исследования.

В современной социологической дискуссии молодость рассматривается как период перехода во взрослость, в рамках которого в жизни индивида происходят события, существенно изменяющие его статус, развиваются компетенции, необходимые для автономной взрослой жизни. Исследователи указывают, что если «нормативное взросление» второй половины XX в. было связано с довольно резким переходом от молодости ко взрослости в силу временной компактности получения образования, выхода на рынок труда, отделения от родителей, брака и рождения детей, то в современных траекториях взросления происходит разрыв между социоэкономическими событиями, которые наступают первыми, и социодемографическими, которые откладываются на более поздние возрасты [Митрофанова, 2019; Krahn et al., 2018].

Исследование российской молодежи показывает, что ключевыми событиями перехода во взрослость для юношей и девушек до 29 лет является получение образования и выход на рынок труда. К 22 годам 90% молодежи завершает обучение, при этом длительность времени, затраченного на образование, и его формальный уровень у современной молодежи выше, чем у более старших возрастных когорт [Нартова, Фатехов, 2021: 327–330]. Как отмечают исследователи, несмотря на формирование моральных

паник в отношении неготовности молодежи к длительному труду, молодые хотят работать [Hajdu, Sik, 2018: 626]. Так, 73% российской молодежи выходят на рынок труда до 29 лет, при этом 90% из них начинают работать на полную ставку в районе 22 лет. Однако социодемографические события молодые россияне откладывают и переносят во «взрослую» жизнь: только около 30% молодежи вступают в официальный брак и рожают первого ребенка до 29 лет [Нартова, Фатехов, 2021: 330–333]. При этом, как показывают качественные исследования, субъективная интерпретация собственного взросления не связывается с профессиональной деятельностью, а определяется через личностный рост, поиск и реализацию себя [Кравцова, Кузинер, 2022].

Хотя современное взросление зачастую сложнее, неопределеннее, прерывистее, чем у старших поколений, и может порождать стресс, тревогу, скуку, уязвимость [Smith, 2011: 230], молодость как возрастной период во многом определяет общее настроение. Арнет указывает, что, несмотря на то что американская молодежь осознает множество проблем современного общества, на свое будущее она смотрит с оптимизмом, и это эффект возраста – молодости [Arnett, 2015: 328]. Подобное подтверждается и российскими исследованиями. Когорта 20-летних статистически значимо чаще, чем когорты 40 плюс, ожидает улучшений в своей жизни, пребывает в хорошем настроении и строит планы на несколько лет вперед [Нартова, Фатехов, 2021: 339]. Исследователи оговаривают, что предвкушение будущего не является эмоционально нейтральным – люди испытывают или не испытывают надежду в отношении будущих возможностей. И подчеркивают, что, с одной стороны, оптимизм полезен, поскольку позволяет справляться с трудностями, а с другой – люди с высокими ожиданиями более оптимистичны [Hitlin et al., 2015: 1440]. Молодость именно в контексте запаса хронологической жизни дает ресурс для больших и позитивных ожиданий.

В то же время исследователи указывают, что современная молодежь живет не только в условиях изменения организации рынка труда и институциональной индивидуализации, но и в условиях изменения темпоральности: социального ускорения, с одной стороны, и кризиса будущего – с другой [Leccardi, 2012a: 225]. Будущее «схлопывается» в настоящем, институты больше не поддерживают жизненный курс, биографические конструкции не основываются на жизненном проекте, а значит, и транзикация во взрослость перестает быть ясным процессом с очевидной точкой назначения и возможностью ее достижения [ibid.]. Если общество модерна характеризовалось «логикой плана», для которого транзикация из молодости во взрослость была ключевым этапом, поскольку определяла всю дальнейшую жизнь, то для современности биографическая неопределенность становится постоянным аспектом опыта [Facchini, Rampazi, 2009: 352–353]. Неопределенность может принимать форму открытости будущему с ожиданием новых шансов. Но может и принимать форму незащищенности с неуверенностью и ощущением невозможности контролировать будущее. Как подчеркивают исследователи, «оба полюса – и шансы и незащищенность – присутствуют в индивидуальной жизни и переплетаются разными способами, моментами и контекстами опыта» [Facchini, Rampazi, 2009: 353].

Сегодня, отмечает Лекарди, решающее значение приобретает способность молодых людей развивать «когнитивные стратегии», способные гарантировать их автономию, несмотря на рост непредвиденных обстоятельств, а именно способность создавать траекторию/направление, даже при невозможности предвидеть конечный пункт назначения [Leccardi, 2012a: 232]. Во временной перспективе молодежи больше недоступно долгосрочное планирование, далекое будущее, они могут действовать только в «расширенном настоящем», т.е. включая в свое планируемое и осознаваемое время текущий момент «здесь и сейчас» и ближайшее будущее [ibid.: 235]. Опираясь на свои исследования, Лекарди выделяет две стратегии молодежи по управлению своей жизнью. Первая, характерная преимущественно для молодых людей, – «будущее без проекта», подразумевает возможность все изменить в любой момент, но при этом держать в голове какую-то перспективу. Вторая, которую реализуют и девушки, и юноши, – стратегия «коротких планов», когда жизнь организуется краткосрочными (месяцы, максимум год) планами-проектами.

При этом короткие проекты становятся своеобразными «барьерами» для видения будущего, поскольку актуализировано только текущее [Leccardi, 2012: 69]. Лекарди считает, что, хотя дискурс будущего продолжает оставаться рутинной как для социальных систем, так и для субъектов, именно настоящее теперь ассоциируется с принципом потенциальной управляемости и контролируемости, который связывал современность – через свой нормативный идеал прогресса – с будущим [Leccardi, 2014: 42].

При этом организация жизни связана с умением планировать и представлением о будущем в целом. «Плановая компетентность» или плановая ориентация, как умение выбирать социальные условия, наилучшим способом соответствующие целям, ценностям и сильным сторонам индивида, наиболее важна для жизненного пути в подростковом и молодом возрасте, поскольку «способствует принятию реалистичных решений о ролях и отношениях во взрослой жизни» [Shanahan, 2000: 676]. Другие исследователи предлагают концепцию «темпорально расширенного агентивного актора», чья деятельность может не быть поведенчески последовательной в различных областях, но который действует в соответствии с жизненным проектом, пытаясь построить повествовательно согласованное представление о себе [Hitlin et al., 2015: 1438]. Они указывают, что проспекция является жизненно важным организующим принципом и позволяет индивиду размышлять и время от времени пытаться изменить свое положение в более широких социальных структурах [ibid.: 1438].

Дж. Бранен и А. Нильсон, анализируя пути перехода во взрослость, показывают, что в своей транзисии молодежь ориентируется на разные временные перспективы. Исследователи выделяют три модели: «*модель отсрочки*», когда юноши и девушки живут в «расширенном настоящем», ориентируются на свой нынешний статус молодых людей и бесчисленные возможности образа жизни, предоставляемые молодостью; «*модель адаптивности*», когда молодые люди «продвигаются» по жизни небольшими шагами, предполагая, что смогут приспособиться к изменениям, и считают, что будущее зависит от того, каким они сами его сделают; и «*модель предсказуемости*», когда будущее четко распланировано [Brannen, Nilsen, 2005: 419–420]. Они подчеркивают, что «вместо того, чтобы представить картину детрадиционализованного, рефлексивного и индивидуализированного поколения биографов выбора, наши данные предлагают различные способы перехода от подростка к принятию взрослых обязанностей» [ibid.: 421]. Таким образом, взросление неразрывно связано с проспекцией, планированием и представлением о будущем, которые влияют на организацию жизни в настоящем. Неспособность молодежи реализовывать свои планы в повседневной жизни может существенным образом ослабить их агентность в течение будущей жизни [Shanahan, 2000: 677].

Современная транзисия во взрослость и построение жизненного курса молодежью концептуализируются как «незапланированные биографии» (“unplanned biographies”) – единственно доступный молодежи способ организации своей жизни, который, тем не менее, предполагает желание и решимость не поддаваться событиям, держать в страхе неопределенность и овладеть своим временем [Leccardi, 2012a: 233]. «Построение биографии как унитарного измерения, – пишет Лекарди, – уступает место биографическому повествованию, структурированному посредством фрагментов: “биографические эпизоды” следуют друг за другом, каждый со своим прошлым, своим настоящим и своим будущим» [Leccardi, 2012: 67].

При этом индивидуальные способы осмысления и построения биографий неразрывно связаны с производством поколения. Согласно Мангейму, поколения формируются через общность совместно проживаемого когортой исторического опыта, и как следствие выработанных перспектив мышления и действия – поколения как реальность составляются, «когда сходным образом “расположенные” современники разделяют общую судьбу, а также идеи и концепции, которые каким-то образом с ней связаны» [Мангейм, 2000: 38].

М. Корстен указывает, что поколения как коллективы идентифицируют себя и определяют свое место в историческом процессе через самотематизацию – установление

семантического порядка, он же порядок значений, «путем идентификации своих моделей интерпретации и валидации коллективного опыта в дискурсах» [Corsten, 1999: 261]. Семантика поколения вырабатывается в рамках «культурных кругов», под которыми он понимает временные и случайные встречи людей одного возраста в разных социальных контекстах. При этом подчеркивает, что «культурный круг» производится не через формальную группу, а через схожесть использования критериев для интерпретации и формулирования определенных тем одинаковым образом [Corsten, 1999: 262]. Таким образом, при анализе поколений важно учитывать переплетение экзогенных факторов, таких как социальные условия или исторические события, с внутренней динамикой генезиса общих схем интерпретации опыта поколениями [ibid.: 265].

Поколенческие представления играют принципиально важную роль в социальной жизни. С одной стороны, они дают индивидам распознавать и признавать свой опыт, свои возможности и перспективы. Так, Корстен указывает, что поколенческие дискурсы работают как «коллективные самоорганизованные подсказки для примирения индивидуальной и социальной идентичностей» [Corsten, 1999: 264]. С другой стороны, они вовлечены в организацию и структурирование отношений между людьми разных возрастов. Бигс и Ловенштейн отмечают, что поколенческое воображаемое влияет, часто невидимо, на межпоколенческое взаимодействие [Biggs, Lowenstein, 2011: 20]. С третьей – во многом определяют возможности коллективного действия. Аролди подчеркивает, что поколенческая идентичность влияет не только на культурную принадлежность и формирует габитус поколения, но и определяет социальную агентность поколения в широком социополитическом контексте [Aroldi, 2011: 57–58].

Переход во взрослость является важным этапом как для индивидуальных биографий, так и для формирования поколения. Организация жизни неразрывно связана с представлениями о будущем. Интерпретация молодежью исторического контекста и способов существования в нем находится в основании поколенческого семантического поля, влияющего на индивидуальную и коллективную агентность.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую базу статьи составляют 26 полуструктурированных лейтмотивных интервью с молодежью в возрасте 19–25 лет, проживающей в Санкт-Петербурге. Однако собраны они были в разные периоды времени. Десять интервью с молодыми юношами и девушками 19–22 лет были проведены командой исследователей Центра молодежных исследований осенью 2020 г. в рамках проекта «Взросление российской молодежи в XXI в.: поколенческий анализ», 16 интервью с молодежью 19–25 лет были собраны в сентябре 2022 г. в рамках проекта «Жизненный выбор: рациональность в условиях турбулентности». При этом в 2022 г. рекрутинг информантов осуществлялся в два этапа. На первом для повышения эвристического потенциала исследования, возможности отследить динамику биографических изменений, представлений и интерпретаций событий было принято решение пригласить к участию в исследовании тех же информантов, которые были проинтервьюированы в 2020 г. На втором этапе приглашались новые участники исследования. Таким образом, в 2022 г. всего приняло участие 16 человек, из них шесть опрашивались повторно.

Рекрутинг информантов осуществлялся через социальные сети исследователей (личные контакты и посты в социальных сетях) и методом снежного кома (через читателей постов в социальных сетях и других информантов). Интервью проводились как офлайн, так и онлайн, их длительность колебалась от 50 минут до трех часов. Интервью записывались на диктофон, затем транскрибировались и анонимизировались.

Важно отметить, что принявшие участие в исследовании информанты – это городская образованная молодежь, проживающая в Санкт-Петербурге, преимущественно выходцы из семей среднего класса. Никто из информантов на момент интервью не имел детей и только один состоял в браке. Если в 2020 г. значимая доля участников исследования были студентами вузов (7 из 10), которые совмещали учебу с работой разной степени занятости, то в 2022 г. большинство получили бакалаврское (а в двух случаях магистерское)

образование и либо работали, либо продолжали обучение в магистратуре, либо пытались совмещать учебу и работу. Только двое информантов на момент интервью проживали в собственных квартирах, остальные либо в родительских семьях, либо в съёмном жилье, как одни, так и с друзьями и партнерами.

Анализ материала проводился в два этапа. Первоначально анализировались интервью 2020 г., которые выступили точкой отсчета и сравнения. А затем анализировались интервью 2022 г. Для работы с транскриптами интервью использовался нарративный тематический анализ, позволяющий выделять общие элементы среди нарративов: реконструировать общие темы, события и доминирующие типы их интерпретации [Riessman, 2005].

2020 год – поколение (не)стабильности. Анализ качественных интервью с городской молодежью Санкт-Петербурга, собранных в 2020 г., показал относительную гомогенность интерпретации двадцатилетними индивидуального и поколенческого будущего. Выстраивание собственной биографии молодые юноши и девушки видели как открытый проект, связанный со свободой действий, гибкостью, возможностями выбора и изменений: *«Возможно у нас нету, эм, как это сказать, каких-то определенных рамок, не рамок, как это сказать, как-то определенного плана жизни что ли, что вот надо обязательно пойти на учебу, обязательно потом работать, то есть как-то больше на себя что ли, что хочется, то и буду делать, там, например, путешествовать или там рисовать»* (№ 10, ж., 20 л.).

Для них организация жизненного курса связывалась в первую очередь с относительно свободным движением по жизни, а не с планом: *«У нас меньше представлений о том, чем мы будем дальше заниматься. Мы импульсивные, и как все пойдет, так и будет, нет как таковых планов. <...> Мы очень импульсивные, вот наше поколение – это довольно-таки правда очень импульсивные люди, которые делают все, что им придет в голову, они знают, что возможно они об этом пожалеют, но они готовы на этот риск»* (№ 7, ж., 20 л.).

И скорее рассматривалась как следование какой-то общей перспективе: *«Хотелось бы не конкретно чего-то достичь, а вот просто идти к цели. Хотелось бы придумать себе определенную сверхидею, к которой невозможно дойти абсолютно. И к этой сверхидее просто всю жизнь идти, развиваться, не останавливаться. И как раз-таки пожинать плоды того пути. Пока ты идешь к этой сверхидее, придумывая разное и развивая»* (№ 1, м., 19 л.). В этом контексте индивидуальное будущее определялось главным образом как возможность самореализации: *«В принципе все стремятся к самореализации, стремятся понять, кто они есть на самом деле и чем они именно хотят заниматься, а не просто выживать»* (№ 7, ж., 20 л.).

Эти ориентации проявлялись и в характеристиках собственного поколения, которое определялось как яркое, творческое, самостоятельное, толерантное. При этом молодежь отмечала особые условия формирования своего поколения – наличествующее социально-экономическое благополучие: *«Ну, во-первых, во время мы разное живем, сейчас более-менее ну как, нормальная ситуация в мире и в стране в принципе, ну то есть если предыдущее поколение переживало 90-е, вот это вот все, распад Советского Союза, там потом новая власть, новое все как бы, инфляции там все вот эти, вот, то сейчас у нас как-то более спокойно в этом плане»* (№ 10, ж., 20 л.).

Разный опыт поколений подчеркивался через ценностный разрыв, при котором молодые маркировались как носители новых, продвинутых представлений: *«Мы застряли на месте в этой стране, из-за того, что мы отказываемся пересматривать наши социально-этические навыки, нормы, то, что считают социально-этической нормой. Как мы отказываемся? Мы-то, мы и мое окружение, мы замечательные, мы не отказываемся. Но многие остальные отказываются. И это не делает современному подрастающему поколению легче. Это, это усложняет многие вопросы. И я иногда пытаюсь злиться на старшее поколение за то, что они все это сделали»* (№ 8, ж., 21 г.).

Однако двадцатилетние не были ориентированы на «революционные» шаги, они предполагали, что их поколенческое будущее – это «естественная» смена поколений, связанная в том числе с влиянием на старших и постепенными изменениями: *«Мне кажется, спустя время*

будет легче, когда ну, мы как бы более современные, и когда вот из России уйдет это стереотипное мышление там, консервативное, тогда, мне кажется, заживем» (№ 10, ж., 20 л.).

Таким образом, три года назад двадцатилетние петербуржцы представляли собой современное молодое поколение, чьи характеристики хорошо описаны в литературе. Современный динамичный и неопределенный мир представлялся им довольно устойчивой площадкой для самореализации, давая возможности выборов, гибкости и изменений. Жизненный курс определялся не размеренной чередой поставленных задач, а возможностью движения. Очарованность собственным поколением, интерпретация его как носителя новых ценностей давали основания молодым говорить о различиях между ними и старшими, предполагая, что рано или поздно они будут задавать тон и построят «светлое будущее».

2022 г. – поколение (не)определенности. Анализ интервью с этой же когортой в сентябре 2022 г. показал существенные изменения в нарративах молодежи. Хотя ключевые характеристики поколения, такие как яркость, смелость, творчество, самостоятельность, толерантность, воспроизводились, к ним добавились и новые – циничность, эгоистичность, солидарность, определяемые как реакция поколения на текущие условия. Где первые два связываются с усложнившимися социально-экономическими условиями и необходимостью думать о себе, а третьи – с актуализированной потребностью во взаимопомощи и поддержке. Однако на этом некая гомогенность в представлениях образованной городской молодежи заканчивается. Текущие события проживаются по-разному и влекут за собой различия в организации повседневной жизни и интерпретациях будущего. Было выделено три доминирующих типа наррации: «отсутствующее будущее», «адаптивное будущее» и «нормализованное будущее», в рамках которых молодежь связывает свой индивидуальный опыт с биографическими планами и представлением о возможностях поколения. Так, часть молодежи артикулирует свой проживаемый в текущих условиях опыт как разрушение и утрату: «Вот, у меня, не знаю, у меня сломалась картинка всего моего мира, который для меня был привычным, сломались там многие мои планы на жизнь, вот» (№ 12¹, ж., 24 г.).

Мир для них стал радикально неопределенным: «Лишились... ну, опять же, вот какого-то спокойствия. Стабильности, уверенности в том, что будет завтра. Потому что я вообще не удивлюсь, если сейчас еще что-то начнется. Типа, а че удивляться, а че еще может быть, ну давайте. Давайте зомби, будет хоть весело» (№ 2, ж., 22 г.). И единственной возможностью выстраивания биографии они видят замыкание себя только в текущем моменте, актуализируя настоящее и отказываясь от будущего: «Ну я перестал себе голову дымить. Я думаю: “Ого, я там че-то понапридумал, это все ерунда. Вот так вот все поменялось”. И стал импровизировать по ходу. И мне так легче жить» (№ 7, м., 24 г.).

И собственное поколение они определяют как «поколение без будущего»: «То есть мы были такие нацеленные на то, чтобы завоевать этот чертов долбаный мир, как бы это ни звучало в контексте нынешней ситуации, а потом оно просто все рухнуло <...> Ну, то есть изменились многие вещи, начиная от нашей возможности учиться и зарабатывать и заканчивая нашей возможностью свободно и спокойно жить» (№ 1, ж., 22 г.); «Мне иногда кажется, что мы поколение без будущего, что у нас его немножко отобрали» (№ 15, ж., 25 л.).

Таким образом, данный тип осмысления индивидуального и поколенческого будущего связан с драматическим, парализующим переживанием текущих событий как разрушения и неопределенности, где единственной стратегией совладания выступает отказ от какого-либо перспективного видения и замыкание себя на текущем моменте. Индивидуальный опыт сопрягается с выстраиванием поколенческого дискурса, артикулируя свое поколение как лишенное будущего.

Для другой части молодежи проживаемый опыт связан в меньшей степени с тотальным крахом и потерей, а в большей – с существенной трансформацией повседневности:

¹ Нумерация отдельная по годам.

«И сейчас как бы, ну, вот в нынешней ситуации мне как бы трудноато, потому что была полностью разрушена моя привычная комфортная жизнь, к которой я привыкшая, в которой я выросла, и которую у меня просто отобрали. И для меня, вот это, наверное, самое сложное, потому что мне нужно как бы что-то себе заново или как-то по-другому перестраивать» (№ 4, ж., 21 г.). Жизнь мыслится в категориях ограниченной определенности («Никаких долгосрочных планов не построить. Уверенность, ну дай бог в завтрашнем дне есть, но на этом мы и закончили, что называется. Как бы завтрашний день, спасибо, что живой, и пошли дальше. Как-то вот так» (№ 4, ж., 21 г.)), при которой выстраивание биографии возможно в логике краткосрочного планирования). *«Иду по накатанной скорее, а не то, чтобы планирую. Вот ближайшие, конечно, какие-то события на месяц, на два я планирую, естественно, но куда-то далеко смотреть пока что, к сожалению, не получается»* (№ 6, м., 23 г.)).

А поколенческое будущее видится (с осторожным оптимизмом) как адаптация к новым условиям: *«И ну, как и все, что нам остаётся типа, не падать духом и стараться адаптироваться к той ситуации, которая есть вот сию секунду, а там что-нибудь придумаем. Завтра там будет по-другому, но мы и завтра тоже будем другие»* (№ 4., ж., 21 г.); *«Есть хорошая фраза, что сложные времена порождают сильных людей, и я, наверное, с ней согласен, что эти времена, которые мы сейчас переживаем, как новые девяностые, они порождают все-таки сильных людей среди молодёжи, потому что они не доморощенные, так, так иначе будут закалённые»* (№ 6, м., 23 г.).

Этот тип наррации о себе и поколении выстраивается вокруг идеи адаптации: к изменившейся повседневности можно подстроиться через краткосрочное планирование, которое не дает долгой временной перспективы, но позволяет организовать ближайшую жизнь. А значит, и поколение в целом сможет устоять и выработать адаптационные механизмы в условиях новой исторической реальности, пережив и приспособившись.

На часть юношей и девушек внешние обстоятельства не оказали существенного влияния. Они говорят об отсутствии каких-либо значимых изменений в собственной жизни в течение последнего времени: *«Мне кажется, конкретно влияния никакого абсолютно, ну я по крайней мере не почувствовала, и среди знакомых, одноклассников и так далее не замечала»* (№ 3, ж., 21 г.). Они признают принципиальное наличие неопределённости в современных условиях: *«Неопределённость, определённая неопределённость, вот такой оксюморон, есть, потому что это все в любой момент может качнуться или в одну, или в другую сторону маятник, и можете перечеркнуть все твои мечты, какие-то твои планы»* (№ 11, м., 23 г.). Однако она является рутинным фоном, поверх которого биография выстраивается как продолжение движения по существующей траектории без конкретных планов: *«В будущем пока не знаю, но сейчас на данный момент мне хочется как-то, то есть развиваться что ли в кругозоре и так далее по всяким сферам, по которым это в принципе возможно, вот поэтому я и такие профессии выбираю, чтоб больше не какие-то прикладные были, а чтобы именно развить свой кругозор там и так далее. А под работой не знаю пока как это будет выглядеть»* (№ 13, ж., 21 г.).

В таком интерпретативном контексте поколенческое будущее предстает «нормализованным», оно выглядит как починка временно сломанного настоящего, когда по прошествии времени общая позитивная интенция, заложенная в поколении, все наладит: *«Я надеюсь, мы как-то апгрейдимся чуть-чуть. Просто хотелось бы как-то, наверное, все же мы развиваемся как-то. Наверное, будут какие-то изменения во всех сферах по чуть-чуть в хорошую сторону, там не знаю, ту же медицину взять, то же самое образование, а в целом думаю, все будет нормально»* (№ 13, ж., 21 г.); *«У нас теперь есть мотивация внутри развиваться»* (№ 9, м., 21 г.).

Часть молодежи, которая выстраивает свою жизнь без особых планов, неопределенность рассматривает как наличествующее условие современности, при котором стоит просто продолжать движение. Считая, что происходящие в стране события не оказали особого влияния на их жизни, эти юноши и девушки с достаточным оптимизмом смотрят в будущее, ожидая нормализации ситуации через позитивное развитие.

Заключение. Представленное исследование, выполненное в качественной методологии и сфокусированное на опыте городской образованной молодежи Санкт-Петербурга в возрасте 19–25 лет, показало, что начавшийся в этой когорте процесс формирования поколения был существенным образом трансформирован социально-политическими событиями в России в 2022 г. Анализ качественных интервью выявил гетерогенность поколенческих дискурсов, в том числе и о будущем, и показал выстраивание относительно связанных биографическо-поколенческих нарративов молодежью.

Довольно гомогенный нарратив 2020 г. о смелом, ярком, толерантном поколении, открытом будущему, для которого важны возможность выбора, гибкости и изменений в построении своих жизненных курсов, сменился гетерогенными типами интерпретации собственной жизни и поколенческого будущего в 2022 г. Было выделено три ключевых способа наррации, в рамках которых проживаемый опыт связывался с представлением о будущем. Так, драматично переживающие текущую ситуацию молодые люди, говорившие о крушении всех жизненных планов и перспектив, определяют будущее как «отсутствующее» – и на индивидуальном уровне, актуализируя только настоящее в процессе организации биографии, и на поколенческом – видя его лишенным перспектив и надежд. Модель «адаптивного будущего» проявляется в интервью молодежи, которая в условиях изменившейся повседневности выстраивает краткосрочные планы, создавая ограниченную определенность в управлении собственной жизнью, и предполагает, что поколение адаптируется, приспособится к новой реальности. Девушки и юноши, которые говорили о том, что внешние события не повлияли на их биографические траектории, разворачивающиеся как по уже сложившейся траектории без каких-либо конкретных планов, артикулируют позитивную потенцию поколения в «нормализации» будущего.

В условиях существенных социальных трансформаций «стратегическое самоуправление» молодых [Pultz, Mørch, 2015: 1388], позволяющее организовывать свои жизненные траектории в условиях неопределенности высокого модерна, трансформируется в тактическое самоуправление, позволяющее так или иначе взять контроль над своей жизнью через краткосрочное или условное планирование. Хекхаузен указывает, что развитие биографии востребует отказ от недостижимых целей, особенно в условиях ограниченного контроля [Hekhausen, 2016: 4]. Нестик отмечает, что проведенный в июне 2022 г. опрос горожан в РФ показал, что либерально настроенная молодежь отличается не только социальным пессимизмом, но и высокими показателями тревожно-депрессивной симптоматики и тревогой по поводу собственного будущего [Нестик, 2023: 11]. Это значит, что оптимизм и большие надежды молодежи [Зубок, 2023: 46] существенным образом пошатнулись, приводя к противоречивым интерпретациям собственного и поколенческого будущего.

Полученные на ограниченных данных результаты скорее ставят новые вопросы, чем дают ответы. Поскольку процесс формирования поколения не завершен, то важно в дальнейших исследованиях смотреть, какова будет динамика поколенческих нарративов (расширение спектра, изменение связей внутри)? Каким образом структурные условия будут влиять на поколенческие нарративы и представления о будущем? Как будет реализовываться индивидуальная поколенческая агентность в зависимости от представлений о будущем?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
- Зубок Ю.А. Выступление дискуссанта // Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. Ю.А. Зубок. Вып. 12. Образ будущего России в условиях глобальных рисков. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 43–49.
- Кравцова А.Н., Кузинер Е.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 120–139.
- Мангейм К. Очерки социологии знания. М.: ИНИОН РАН, 2000.

- Митрофанова Е.С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. № 6(4). С. 53–82.
- Нартова Н.А., Фатехов А.М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319–344.
- Нестик Т.А. Образ будущего России в условиях глобальных рисков // Ученые записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. Ю.А. Зубок. Вып. 12. Образ будущего России в условиях глобальных рисков. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 7–22.
- Образ будущего России глазами молодежи: монография / Под ред. В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Arnett J.J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Aroldi P. Generational belonging between media audiences and ICT users // Colombo F., Fortunati L. (eds) *Broadband Societies and Generational Changes*. Brussels: Peter Lang GmbH, 2011. P. 51–68.
- Bessant J., Fathling R., Watts R. *The precarious generation. A political economy of young people*. London, New York: Routledge, 2017.
- Biggs S., Lowenstein A. *Generational Intelligence. A Critical Approach to Age Relations*. London, New York: Routledge, 2011.
- Brannen J., Nilsen A. Individualisation, Choice and Structure: A Discussion of Current Trends in Sociological Analysis // *The Sociological Review*. 2005. Vol. 53. No. 3. P. 412–428.
- Corsten M. The Time of Generations // *Time and Society*. 1999. Vol. 8. No. 2–3: 249–272.
- Facchini C., Rampazi M. No longer young, not yet old: Biographical uncertainty in late-adult temporality // *Time and Society*. 2009. Vol. 18. No. 2–3. P. 351–372.
- Hajdu G., Sik E. Are the work values of the younger generations changing? // O'Reilly J., Leschke J., Ortlieb R., Seeleib-Kaiser M., Villa P. (eds) *Youth Labour in Transition: Inequalities, Mobility, and Policies in Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 626–659.
- Heckhausen J. Social Inequality Across the Life Course: Societal Unfolding and Individual Agency // Scott R.A., Buchmann M.C., Kosslyn S.M. (eds) *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. John Wiley & Sons, Inc., 2016. P. 1–18. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118900772.etrds0408> (accessed 24.04.2023).
- Hitlin S., Kirkpatrick Johnson M. Reconceptualizing Agency within the Life Course: The Power of Looking Ahead. *American Journal of Sociology*. 2015. Vol. 120. No. 5. P. 1429–1472.
- Krahn H.J., Chai C., Fang S., Galambos N.L., Johnson M.D. Quick, uncertain, and delayed adults: timing, sequencing and duration of youth-adult transitions in Canada // *Journal of Youth Studies*. 2018. Vol. 21. No. 7. P. 905–921.
- Leccardi C. Young people's representations of the future and the acceleration of time. A generational approach // *Diskurs Kindheits- und Jugendforschung Heft*. 2012. No. 1. P. 59–73.
- Leccardi C. Changing time experience, changing biographies and new youth values // Hahn-Bleibtreu M., Molgat M. (eds) *Youth Policy in a Changing World. From Theory to Practice*. Opladen, Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers, 2012a. P. 225–237.
- Leccardi C. Young people and the new semantics of the future. *Società Mutamento Politica*. 2014. Vol. 5. No. 10. P. 41–54.
- Pultz S., Mørch S. Unemployed by choice: young creative people and the balancing of responsibilities through strategic self-management // *Journal of Youth Studies*. 2015. Vol. 18. No. 10. P. 1382–1401.
- Riessman C.K. Narrative Analysis // Kelly N., Horrocks C., Milnes K., Roberts B., Robinson D. (eds) *Narrative, Memory and Everyday Life*. Huddersfield: University of Huddersfield, 2005. P. 1–7.
- Shanahan M.J. Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective // *Annual Review of Sociology*. 2000. No. 26: 667–692.
- Smith C. Conclusion. In: Smith C., Christoffersen K., Davidson H., Herzog P.S. (eds) *Lost in Transition: The Dark Side of Emerging Adulthood*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 226–243.
- Vinken H. Changing life course, citizenship and new media: the impact of reflexive biografization. In: Dahlgren P. (ed.) *Young citizens and new media. Learning for democratic participation*. New York, London: Routledge, 2010. P. 41–57.

Статья поступила: 25.01.23. Финальная версия: 26.04.23. Принята к публикации: 15.06.23.

INDIVIDUAL AND GENERATIONAL FUTURES IN THE URBAN YOUTH NARRATIVES IN ST. PETERSBURG

NARTOVA N.A.

HSE University – St. Petersburg, Russia

Nadezhda A. NARTOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia (nnartova@hse.ru).

Acknowledgements. This article is a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Abstract. The focus of the article is on urban educated young people's perceptions of individual and generational futures. Drawing on perspectives from the sociology of transition to adulthood, the organization of biographies and the generational approach, qualitative interviews collected in 2020 and 2022 with St. Petersburg residents aged 19–25 were analyzed. The study showed that socio-political events lead to a transformation of the generational narrative. The discourse of a bright generation, open to the future, is replaced by heterogeneous types of interpretation of the perspectives of one's own life and the generation as a whole. Three key narrative modes have been identified in which life experiences have been linked to representations of life perspectives: an 'absent future', an 'adaptive future' and an 'normalised future'. As the process of generational change is incomplete, this study captures some moments of dynamic change and raises new questions rather than providing final answers.

Keywords: youth, generation, future, biography, life course, transition to adulthood.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2012) Cultural Trauma and Collective Identity. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3: 6–40. (In Russ.)
- Arnett J.J. (2015) *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Aroldi P. (2011) Generational belonging between media audiences and ICT users. In: Colombo F., Fortunati L. (eds) *Broadband Societies and Generational Changes*. Brussels: Peter Lang GmbH: 51–68.
- Bessant J., Fathing R., Watts R. (2017) *The precarious generation. A political economy of young people*. London, New York: Routledge.
- Biggs S., Lowenstein A. (2011) *Generational Intelligence. A Critical Approach to Age Relations*. London, New York: Routledge.
- Brannen J., Nilsen A. (2005) Individualisation, Choice and Structure: A Discussion of Current Trends in Sociological Analysis. *The Sociological Review*. Vol. 53. No. 3: 412–428.
- Corsten M. (1999) The Time of Generations. *Time and Society*. Vol. 8. No. 2–3: 249–272.
- Facchini C., Rampazi M. (2009) No longer young, not yet old: Biographical uncertainty in late-adult temporality. *Time and Society*. Vol. 18. No. 2–3: 351–372.
- Hajdu G., Sik E. (2018) Are the work values of the younger generations changing? In: O'Reilly J., Leschke J., Ortlieb R., Seeleib-Kaiser M., Villa P. (eds) *Youth Labour in Transition: Inequalities, Mobility, and Policies in Europe*. Oxford: Oxford University Press: 626–659.
- Heckhausen J. (2016) Social Inequality Across the Life Course: Societal Unfolding and Individual Agency. In: Scott R.A., Buchmann M.C., Kosslyn S.M. (eds) *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences: An Interdisciplinary, Searchable, and Linkable Resource*. John Wiley & Sons, Inc.: 1–18. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118900772.etrds0408> (accessed 24.04.2023).
- Hitlin S., Kirkpatrick Johnson M. (2015) Reconceptualizing Agency within the Life Course: The Power of Looking Ahead. *American Journal of Sociology*. Vol. 120. No. 5: 1429–1472.
- Komarovski V.S., ed. (2021) *Image of the future of Russia through the eyes of youth: monograph*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Krahn H.J., Chai C., Fang S., Galambos N.L., Johnson M.D. (2018) Quick, uncertain, and delayed adults: timing, sequencing and duration of youth-adult transitions in Canada. *Journal of Youth Studies*. Vol. 21. No. 7: 905–921.
- Kravtsova A.N., Kuziner E.N. (2022) Being and/or Knowing How to Be an Adult: The Growing Up Patterns of Early Millennials. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeni* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 120–139. (In Russ.)

- Leccardi C. (2012) Young people's representations of the future and the acceleration of time. A generational approach. *Diskurs Kindheits- und Jugendforschung Heft*. No. 1: 59–73.
- Leccardi C. (2012a) Changing time experience, changing biographies and new youth values. In: Hahn-Bleibtreu M., Molgat M. (eds) *Youth Policy in a Changing World. From Theory to Practice*. Opladen, Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers: 225–237.
- Leccardi C. (2014) Young people and the new semantics of the future. *Società Mutamento Politica*. Vol. 5. No. 10: 41–54.
- Mannheim K. (2000) *Essays on the sociology of knowledge*. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
- Mitrofanova E.S. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generation. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review]. Vol. 6. No. 4: 53–82. (In Russ.)
- Nartova N.A., Fatekhov A.M. (2021) The Transition Into Adulthood of Russian Millennials: On the Way From Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 319–344. (In Russ.)
- Nestik T.A. (2023) *The image of Russia's future in the context of global risks*. In: Zubok Yu.A., ed. *Scientific notes of the FCTAS RAS*. Iss. 12. Image of the future of Russia in the context of global risks. Moscow: FNISC RAN: 7–22. (In Russ.)
- Pultz S., Mørch S. (2015) Unemployed by choice: young creative people and the balancing of responsibilities through strategic self-management. *Journal of Youth Studies*. Vol. 18. No. 10: 1382–1401.
- Riessman C.K. (2005) Narrative Analysis. In: Kelly N., Horrocks C., Milnes K., Roberts B., Robinson D. (eds) *Narrative, Memory and Everyday Life*. Huddersfield: University of Huddersfield: 1–7.
- Shanahan M.J. (2000) Pathways to Adulthood in Changing Societies: Variability and Mechanisms in Life Course Perspective. *Annual Review of Sociology*. No. 26: 667–692.
- Smith C. (2011) Conclusion. In: Smith C., Christoffersen K., Davidson H., Herzog P.S. (eds) *Lost in Transition: The Dark Side of Emerging Adulthood*. Oxford: Oxford University Press: 226–243.
- Vinken H. (2010) Changing life course, citizenship and new media: the impact of reflexive biografization. In: Dahlgren P. (ed.) *Young citizens and new media. Learning for democratic participation*. New York, London: Routledge: 41–57.
- Zubok Yu.A. (2023). The discursive speech. In: Zubok Yu.A. (ed.) *Scientific notes of the FCTAS RAS*. Iss.12. *Image of the future of Russia in the context of global risks*. Moscow: FNISC RAN: 43–49. (In Russ.)

Received: 25.01.23. Final version: 26.04.23. Accepted: 15.06.23.